

ПЁТР БОЛЬШАКОВ

АФЕАН

ЦИКЛ АФЕАН

Пётр Большаков

Афеан

«Автор»

2026

Большаков П.

Афеан / П. Большаков — «Автор», 2026

Философский роман о природе реальности, сознания и квантовой когерентности. Иннокентий — учёный, который усомнился в системе координат. Он убрал «я» из центра — и пространство перестало быть жёстким. Теперь он видит пульсацию стен, проходит сквозь преграды, входит в конфигурацию пруда, где сидит фигура, прошедшая путь до конца. Он встречает Алису, которая становится якорем, когда он теряет себя. Он проходит через четыре кармана — Стекло, Эхо, Колодец, Пустой — каждый со своим правилом и выходом. Он записывает протокол. Не для всех. Для тех, кто ищет. Роман на стыке квантовой физики, философии сознания и мистического опыта. Для читателей, которые ищут глубину, а не развлечение. Это вторая книга цикла "Афеан". Первая книга "Дом одиноких людей"

© Большаков П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Большаков

Афеан

«АФЕАН»

Автор Петр Большаков

ПРОЛОГ

Тишина не отсутствие звуков. Звуки — рябь на её поверхности. Рябь приходит и уходит. Тишина остаётся.

Иногда пульсация становится быстрее. Это значит: кто-то приближается к границе. Граница не охраняется. Она просто есть. Как берег у океана. Рыбы не выходят на сушу, потому что не знают, что суша существует.

Тот, кто приближается, сначала ничего не чувствует. Просто однажды утром смотрит на стену и видит: стена дышит. Рука проходит сквозь неё, как сквозь туман. Не ум — тело. Тело помнит то, что ум запретил.

Дальше — исчезновение дорог. Нет «куда». Есть только «здесь». И «здесь» — везде. Движение без того, кто движется. Танец без танцора. Свет без источника.

В конце — тишина, которая шепчет. Не словами. Тем, что глубже. Шёпот говорит: «Ты никогда не уходил. Ты всегда был здесь. Просто забыл».

Там, где кончаются слова, начинается Афеан.

Никто не входит. Никто не выходит. Просто — есть.

Люма омни.

АКТ 1. ОБНАРУЖЕНИЕ

СЦЕНА 1. СИСТЕМА КООРДИНАТ

Иннокентий сидел за столом. Лист бумаги. Ручка. За окном — вечер. Светофоры мигали. Он не смотрел в окно. Он смотрел на лист.

Взял ручку. Провёл вертикальную линию. Горизонтальную. Третью — под углом. Три стрелки: вправо, вверх, вдаль.

Отложил ручку.

Всю жизнь он рисовал эти три стрелки. В институте. В диссертации. В статьях. Все учёные мира рисовали их. На всех языках. Три стрелки.

Никто не рисовал четвёртую.

Он взял ручку снова. Провёл линию вниз. Потом влево. Ещё две стрелки. Теперь их было пять. Лист стал похож на звезду. Или на паука. Или на правду.

— Почему? — спросил он вслух.

Комната не ответила.

Он знал ответ. Потому что сам так рисовал тридцать лет. Потому что «вниз» и «влево» — направления, в которые человек не смотрит по умолчанию. Система координат — не физика. Это анатомия. Человек стоит. Голова наверху. Ноги внизу. Лицо вперёд. Поэтому вперёд и вверх — «естественно». Назад, вниз, влево — «неудобно».

Но реальность не стоит. У реальности нет лица, спины, верха и низа.

Иннокентий посмотрел на пять стрелок. Стёр две — вниз и влево. Оставил три. Как у всех. Лист стал красивым. Привычным. Правильным.

И ложным.

Он отодвинул бумагу. Закрыв глаза.

Каждый раз, когда я думаю о пространстве, я ставлю себя в центр. Это не выбор. Это рефлекс. Форма самого мышления.

А если убрать центр?

Он попробовал представить пространство без себя. Без «я», из которого исходят оси. Без верха и низа. Мозг сопротивлялся. Каждые две секунды «я» возвращалось. Как мячик, брошенный в воду.

Почему так трудно?

Потому что все учебники, все учителя, все учёные рисовали три стрелки. И никто не сказал: «Это условность. Это не пространство. Это мы».

Он открыл глаза. Посмотрел на лист с пятью стрелками.

Вот она, клетка. Не из железа. Из привычки. Из неосознанного соглашения, что «я» — центр мира.

Сколько ещё таких соглашений в науке?

Он взял ручку. Написал на полях: «Мы не исследуем реальность. Мы исследуем привычки смотреть на реальность. И называем это физикой».

Потом зачеркнул. Слишком громко. Слишком точно.

Встал. Подошёл к стене. Положил ладонь на холодную штукатурку.

Стена твёрдая. Это знает любой ребёнок. Любой физик. Он сам, тридцать лет.

Но если «я» в центре — привычка, а не закон? Если оси — анатомия, а не физика?

Тогда что такое стена?

Он убрал руку. Вернулся к столу. Перевернул лист. Чистая сторона. Ни стрелок. Ни осей. Ни центра.

Он смотрел на пустоту. И в этой пустоте что-то начало происходить.

Он ещё не знал, что это начало. Потому что когда убираешь центр, пространство перестаёт быть фоном. Оно становится участником. Оно дышит. Оно танцует.

Но об этом — позже.

Сейчас — только пустой лист. И человек, который впервые за тысячи лет решил не рисовать стрелки.

СЦЕНА 1а. КОМНАТА БЕЗ ВЕРХА

Иннокентий сидел на полу. Перед ним лист бумаги. На листе — три стрелки. Он смотрел на них так, будто видел впервые.

Вошёл Владимир Степанович. Остановился.

— Опять?

— А ты посмотри.

Профессор подошёл. Сел напротив.

— Три стрелки: вправо, вверх, вдаль под углом. Стандартная система координат. Что с ней не так?

— А где стрелка вниз?

Пауза.

— Её никто не рисует.

— И влево никто не рисует. И вниз-вдаль. И вверх-вдаль-влево. Почему?

— Потому что рисунок — проекция. Мы видим трёхмерное пространство с одной точки. Рисуем те направления, которые попадают в поле зрения.

— Не только. Мы рисуем те, которые удобны. Которые не пугают.

— Пугают?

— Попробуй нарисовать полную систему. Шесть стрелок из центра: вверх, вниз, влево, вправо, вдаль-вверх, вдаль-вниз. Сферическую.

— Это будет похоже на ежа.

— Именно. А ёж страшен. Потому что у него нет верха и низа. Ты не знаешь, где стоишь.

Владимир Степанович взял другой лист. Нарисовал аккуратно. Шесть стрелок из одного центра.

— Вот. Полная система.

— А теперь найди на этом рисунке «верх».

Профессор смотрел. Водил пальцем. Остановился.

— Не могу.

— Потому что его нет. Ты сам убрал, когда нарисовал все направления.

Долгая тишина.

— И что это значит?

— Это значит, что «верх» и «низ» — не свойства пространства. Это свойства наблюдателя, у которого есть голова и ноги. Мы проецируем своё тело на вселенную. А потом удивляемся, что вселенная на нас похожа.

СЦЕНА 2. ДВЕ ЧАСТИЦЫ — ОДНА

Прошло три дня.

Иннокентий не выходил из комнаты. Выходить — значит снова включать систему координат. Снова ставить себя в центр. Снова рисовать невидимые стрелки.

Он сидел за столом. На экране ноутбука — статья. Двадцатые годы прошлого века. Про квантовую запутанность.

Две частицы. Когда-то — одна система. Потом их разнесли на километры. Но если изменить состояние одной, вторая меняется мгновенно. Быстрее света. Без связи.

Физики называли это странным, парадоксальным, необъяснимым.

Иннокентий думал иначе.

Закрыв ноутбук. Взял ручку. Чистый лист.

Две частицы. Наблюдатель А смотрит на одну. Наблюдатель Б — на другую. Они видят две частицы. Измеряют расстояние. Фиксируют синхронность.

А если наблюдатель один, но смотрит с двух позиций?

Он нарисовал две точки. Потом одну точку, обведённую дважды.

Если частица одна, а не две — никакой «связи быстрее света» нет. Нет парадокса. Есть одна сущность, которую мы видим с разных сторон.

Вот она, вторая клетка. Мы думаем, что мир состоит из отдельных объектов. Потому что мы сами — отдельные объекты. Я здесь. Частица там. Расстояние между ними.

А если «здесь» и «там» — одна точка, просто наблюдаемая иначе?

Он встал. Прошёлся по комнате. Остановился у окна.

Светофоры мигали. Люди шли. Машины ехали. Всё отдельное. Всё разное.

Иллюзия, — подумал он. — Красивая, удобная, полезная. Без неё нельзя прожить день. Но иллюзия.

Вернулся к столу. Открыл ноутбук. Нашёл статью про тёмную материю. Девяносто пять процентов вселенной — то, что мы не видим. Не потому, что нет приборов. А потому, что смотрим не с той позиции.

Закрыв ноутбук.

— Если две частицы — одна, — сказал он вслух, — то и наблюдатель с частицей — одно. Не «я смотрю на мир». А «есть видение». Без того, кто видит. Без того, на кого смотрят.

Тишина.

Он взял ручку. Написал: «Разделение на субъект и объект — не свойство реальности. Это свойство низкой когерентности. При достаточной когерентности наблюдатель и наблюдаемое становятся одним полем».

Посмотрел на слова. Они выглядели как бред. Как плохая философия. Как то, за что его выгнали бы из любого журнала.

Но он знал: это следующий шаг.

Если первая клетка — система координат с «я» в центре, то вторая — разделение на «я» и «мир». А если убрать и это разделение?

Он закрыл глаза. Представил две частицы. Потом — одну. Потом — наблюдателя, который смотрит на себя.

Голова закружилась. Мозг сопротивлялся. Снова. Как три дня назад с осями.

Он открыл глаза. Улыбнулся.

— Хорошо. Если мозг сопротивляется — значит, я трогаю клетку.

СЦЕНА 2а. ЧЕЛОВЕК В ЯМЕ

В дверь постучали.

Иннокентий не ответил. Стук повторился.

— Иннокентий, открой. Я знаю, ты дома.

Алиса.

Он встал, открыл. Она вошла без приглашения. Рюкзак скинула на пол. Села на стул.

— Ты не отвечал три дня.

— Я думал.

— О чём?

— О частицах.

— Ты говорил. Две частицы — одна. Я помню.

— Этого мало. Я не объяснил, почему так кажется.

Он сел напротив. Взял две кружки. Поставил рядом.

— Вот две кружки. Я вижу их как два объекта. Расстояние — полметра.

— Я вижу то же самое.

— А теперь представь: ты смотришь на них не из комнаты. Из пространства с большим числом измерений. Там эти две кружки — одна точка. Ты не видишь этого, потому что ты в яме.

— В какой яме?

— В трёхмерном пространстве. Наше пространство — яма. Над ямой — другое пространство. Более мерное. Оно огибает нас со всех сторон. Но мы его не видим. Потому что мы внизу.

— А кто наверху?

— Никто. Я говорю про устройство. Ты на дне глубокой ямы. Стены высокие, не видно, что наверху. Но ты видишь тени. Предметы наверху отбрасывают тени на дно. Тебе кажется, что теней много. А на самом деле наверху — один предмет.

Алиса молчала. Смотрела на кружки.

— Ты хочешь сказать, что квантовые частицы — это тени?

— Да. Тени одной сущности из более мерного пространства. Нам кажется, что частиц две и они далеко друг от друга. Потому что мы видим только проекцию.

— А если вылезти из ямы?

Иннокентий улыбнулся впервые за три дня.

— Тогда мы увидим, что частица одна. И расстояния нет. Потому что расстояние — свойство ямы. А наверху его нет.

— И как вылезти?

— Афеан.

Алиса откинулась на спинку стула. Смотрела в потолок.

— Ты серьёзно?

— Я никогда не был серьёзнее.

— Это безумие.

— Может быть. Но это безумие объясняет парадокс. Физики говорят: «Частицы связаны быстрее света, мы не знаем как». Я говорю: «Им не нужно связываться. Они никогда не были разными».

Алиса взяла кружку. Крутила в руках.

— И ты видел это пространство?

— Видел. Не глазами. Тем, что глубже. Там нет расстояния. Нет времени. Только присутствие.

— Афеан.

— Да.

Она поставила кружку. Молчала долго.

— Ты не физик, Иннокентий.

— Знаю.

— Но ты понял то, что физики объяснить не могут.

— Не я понял. Я увидел. Потому что сел на дно ямы и перестал смотреть на тени. Начал смотреть на стенки. И понял, что из неё можно вылезти.

Алиса встала. Подошла к окну.

— Покажи мне, — сказала тихо. — Не рассказывай. Покажи.

— Ты готова?

— Нет. Но если не сейчас — никогда не решусь.

Иннокентий встал. Подошёл к ней. Взял за руку.

— Закрой глаза. Не бойся ямы. Яма — всего лишь способ смотреть. А ты можешь смотреть иначе.

Она закрыла глаза. Он закрыл тоже.

Тишина.

В комнате ничего не происходило. Но Алиса вздрогнула. Открыла глаза.

— Я... что-то почувствовала.

— Что?

— Будто я не здесь. Будто я везде. Будто я — это всё.

— Это начало.

Она смотрела на свои руки. На стены. На потолок.

— Пространство дышит?

— Дышит. Всегда. Ты просто не замечала.

Она села на пол. Закрыла глаза снова.

Иннокентий сел рядом. Не мешал.

СЦЕНА 3. ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА

Он проснулся в четыре утра.

Не от шума. Не от кошмара. Просто открыл глаза и понял: сегодня.

Иннокентий сел на кровати. Комната тёмная. Светофоры не мигали — ночь. Тишина. Только холодильник гудел за стеной.

Он не включал свет. Не пил кофе. Не умывался.

Сел за стол. На столе лежал вчерашний лист с зачёркнутыми словами.

Взял ручку. Написал:

«Гипотеза №1: Пространство — не фундаментальное свойство реальности. Расстояние — степень когерентности между позициями наблюдения одной сущности.

Следствие: при высокой когерентности граница между «здесь» и «там» исчезает.

Проверка: стена.»

Посмотрел на стену. Серая. Шершавая. В метре от стола.

Раньше он думал о стене как о преграде. Все так думают. Стена — это то, что нельзя пройти. Аксиома.

Но если пространство — условность, то и стена — условность. Не в том смысле, что её нет. Она есть. Но её непроходимость — не свойство стены. Это свойство его способа смотреть.

Он встал. Подошёл к стене вплотную. Ладонь на штукатурке. Холодная. Жёсткая.

Закрыл глаза. Убрал оси. Нет верха, нет низа, нет «я здесь», нет «стена там». Две частицы — одна. Наблюдатель и наблюдаемое — одно. Нет разделения.

Вдох. Медленный. Глубокий.

Есть только видение. Без того, кто видит. Без того, на что смотрят.

Стена есть. Стены нет. Одновременно.

Надавил ладонью.

Ничего.

Он не убрал руку. Не открыл глаза. Проанализировал: я всё ещё проверяю. Проверка — это разделение. Я — проверяющий. Стена — проверяемая. Хочу получить результат. Это возвращает меня в клетку.

Нельзя проверять. Можно только быть.

Убрал из головы слова «проверка», «результат», «получится — не получится». Осталось: стена и он. Нет. Не «стена и он». Одно.

Надавил снова.

Ладонь провалилась. Не встретив сопротивления. Не ощутив границы. Как рука, погружающаяся в воду, которая казалась твёрдой.

Открыл глаза.

Ладонь по запястье в стене. Штукатурка не треснула. Не посыпалась. Расступилась. Или перестала быть преградой.

Иннокентий вытащил руку. Посмотрел на ладонь. Ни пыли. Ни царапин.

Не улыбнулся. Не вздохнул. Не сказал «я так и знал».

Сел за стол. Взял ручку. Написал:

«Эффект подтверждён. Стена не является абсолютной преградой при отсутствии разделения на наблюдателя и объект. Пространство пластично при когерентности выше порогового значения. Требуется уточнение порога».

Отложил ручку. Посмотрел на стену.

Теперь она обычная. Твёрдая. Непроницаемая. Рука не прошла бы. Он знал это.

Но он также знал: минуту назад рука прошла. Значит, дело не в стене. Дело в состоянии.

Закрыв глаза. Попробовал вернуть то состояние. Убрать разделение. Стать одним со стеной.

Ничего. Стена была стеной. Рука — рукой. Разделение вернулось.

Он не расстроился. Зафиксировал: «Состояние нестабильно. Требуется практика».

Встал. Подошёл к окну. Начинало светать. Светофоры замигали снова.

Посмотрел на руки. Обычные руки. Которые только что были внутри стены.

Вернулся к столу. Написал вверху: «Протокол эксперимента №1». Записал сухо: дата, время, условия, результат. Без эмоций. Без чуда. Без просветления.

Просто данные. Потому что он был учёным. И даже стена, которая перестала быть стеной, не могла заставить его отказаться от этого.

Закончил запись. Закрыв ноутбук. Лёг на кровать.

За окном вставало солнце.

Он закрыл глаза и провалился в сон без сновидений.

СЦЕНА 4. ПРОСТРАНСТВО ДЫШИТ

Он спал четыре часа. Проснулся от того, что комната изменилась. Не мебель. Не освещение. Что-то глубже.

Иннокентий сел. Прислушался. Сердце бьётся ровно. Мысли ясные. Но что-то не так.

Перевёл взгляд на стену. Ту самую.

Стена двигалась. Не прогибалась, не смещалась. Она дышала. Медленно, ритмично. Как грудная клетка спящего. Штукатурка пульсировала — надуваясь и опадая.

Иннокентий замер. Не от страха. От внимания.

Встал. Подошёл ближе. Остановился в полуметре.

Пульсация отчётливая. Не галлюцинация. Не игра света. Стена двигалась. Ритм — одно дыхание в шесть секунд.

Почему я не замечал этого раньше?

Протянул руку. Ладонь на штукатурке. Пульсация чувствовалась тактильно. Стена «выдыхала» — ладонь отходила на миллиметр. «Вдыхала» — прижималась обратно.

Убрал руку. Отошёл.

Это не только стена. Посмотрел на пол. Деревянный паркет. Старый, скрипучий. Паркет двигался. Тоньше, но если присмотреться — доски вибрировали в том же ритме.

Поднял голову. Потолок. Белёный, с трещиной от люстры к углу. Потолок дышал.

Всё пространство дышит.

Он медленно повернулся. Комната пульсировала. Тихо, органично. Как живой организм.

Почему я не видел этого раньше?

Потому что смотрел сквозь пространство — на предметы. На стены, пол, потолок как на фон. Фон не замечают. Считают неподвижным.

Но пространство — не фон. Оно активно. Оно живёт.

Сел на стул. Закрыв глаза.

Если пространство дышит, у него есть ритм. Можно войти в него. Синхронизироваться.

Попробовал дышать в такт пульсации. Вдох — пространство сжимается. Выдох — расширяется. Получалось плохо. Ритм пространства не совпадал с ритмом лёгких. Сбивался.

Не лёгкими. Чем-то другим.

Перестал управлять дыханием. Просто сидел. Слушал. Чувствовал.

Пульсация везде. В стенах, в полу, в воздухе, в нём самом.

Если я — часть этой пульсации? Не «я дышу в такт пространству», а «пространство дышит, и я — одно из его дыханий»?

Отпустил попытки. Разрешил себе быть там, где уже был.

В этот момент пульсация стала его. Не он подстроился — она подстроилась. Или они перестали быть разными.

Открыл глаза. Комната дышала. И он дышал с ней — не в унисон, единым дыханием.

Встал. Подошёл к стене. Протянул руку. Не проверял, не экспериментировал. Просто был.

Ладонь вошла в стену легко. Как рука в рукав. Без усилия, без фокуса.

Он прошёл сквозь стену. Оказался в коридоре. Общая лестничная клетка. Соседняя дверь. Коврик. Запах чужой еды.

Всё обычное.

Обернулся. Стена за спиной целая. Твёрдая.

Протянул руку обратно. Ладонь упёрлась в штукатурку. Не прошла.

Состояние ушло.

Он не расстроился. Зафиксировал: «Эффект возможен при синхронизации с пульсацией пространства. Синхронизация достигается через отказ от разделения, а не через управление дыханием».

Вернулся в комнату через дверь. Сел за стол. Открыл ноутбук.

Написал: «Протокол эксперимента №2. Пространство пульсирует с постоянным ритмом (приблизительно 10 циклов в минуту). Тактильно фиксируемо. При синхронизации границы теряют жёсткость. Возможно перемещение сквозь стены. Состояние нестабильно».

Сохранил. Посмотрел на стену. Теперь она не дышала. Или дышала, но он не видел.

Требуется практика.

Встал. Налил стакан воды. Выпил. Медленно.

Вода тоже двигалась. Когда он смотрел на неё определённым образом. Но он пока не знал, как это описать.

Завтра разберусь с водой.

Лёг спать. Во второй раз за сутки.

Комната дышала всю ночь. Он не замечал. Он спал. Но его дыхание совпадало с дыханием пространства.

СЦЕНА 4а. НУЛЕВАЯ ОТМЕТКА

Владимир Степанович сидел за столом. Перед ним — раскрытый блокнот. На странице — шесть стрелок из одной точки. Смотрел на них уже полчаса.

Иннокентий вошёл без стука. Сел напротив.

— Я не могу найти верх, — сказал профессор, не поднимая головы.

— Его нет.

— Знаю. Но мозг ищет. Как зуд.

— Привычка.

Владимир Степанович отложил блокнот.

— Ты прошёл сквозь стену.

— Да.

— Я не могу это проверить. Не могу опровергнуть. Это ненаучно.

— Это донаучно.

— Что значит «донаучно»?

— Наука начинается с вопроса. Я вернулся туда, где вопросов ещё нет. К нулевой отметке.

Иннокентий положил на стол чистый лист. Ткнул пальцем в центр.

— Нулевая отметка. Исходное пространство. Не пустота в бытовом смысле. Не вакуум, где ничего нет. Состояние, где всё возможно, но ничего не зафиксировано. Как квантовая суперпозиция всей вселенной.

— У суперпозиции нет отметки. Это математика.

— Математика описывает. Я говорю о том, что описывают. Физика говорит: вакуум не пуст. В нём рождаются и исчезают виртуальные частицы. Квантовое кипение.

— Это доказано.

— Доказано. Но физика не спрашивает: почему вакуум не может быть спокойным? Почему он кипит?

— Принцип неопределённости запрещает абсолютный ноль энергии.

— Это описание. Не причина. Причина: идеальная симметрия нестабильна. Пустота, если бы существовала, была бы идеально симметрична. И рухнула бы сама в себя. Малейшее возмущение — и симметрия нарушается. Возникает движение.

Владимир Степанович взял чистый лист. Нарисовал точку.

— И ты называешь это «танцем»?

— Да. У движения нет цели. Нет того, кто движется. Нет зрителя. Есть только хореография. Пространство не следует танцу. Пространство и есть танец.

— Это метафора.

— Это описание. Самое точное из возможных.

Профессор встал. Подошёл к окну. Смотрел на тёмный город.

— А наблюдатель? В квантовой механике без наблюдателя нет реальности.

— Наблюдатель — тот, кто задаёт вопрос. Вопрос фиксирует суперпозицию, превращает «всё возможно» в «это реально». Наблюдатель останавливает танец, чтобы увидеть одно движение.

— А если убрать наблюдателя?

— Танец продолжается. Вечный, бесцельный, никому не адресованный.

— Это и есть Афеан?

— Это исходное пространство Афеана. Нулевая отметка. Туда я вхожу, когда стена перестаёт быть стеной. Когда нет «я», которое смотрит.

Владимир Степанович вернулся к столу. Сел.

— Ты хочешь сказать, что всё — звёзды, атомы, люди — это танец, который случайно зафиксировался?

— Не случайно. Вопросом. Наблюдением. Каждый из нас — остановленный танец. Застывшее движение. Мы забыли, что мы танец. И думаем, что мы танцоры.

Долгая пауза.

— Это красиво.

— Это не красиво. Это точно.

— Но если это правда — зачем ты записываешь протокол? Зачем тебе читатель?

Иннокентий молчал.

— Не знаю. Чтобы напомнить себе. Чтобы тот, кто уже танцует и не знает об этом, увидел. Чтобы вопрос, который я записываю, стал движением.

Владимир Степанович взял лист с точкой. Смотрел долго.

— Нарисуй мне нулевую отметку.

Иннокентий взял ручку. Поставил точку в центре чистого листа. Ни стрелок, ни осей, ни верха. Только точка.

— Вот. Отсюда начинается любой танец. И сюда возвращается.

Профессор смотрел на точку. Минуту. Две.

— Она... пульсирует? — спросил он тихо.

— Начало.

— Чего?

— Твоего танца.

СЦЕНА 46. ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Алиса пришла вечером. Без звонка, без предупреждения.

— Ты говорил про стену. Покажи.

Иннокентий не удивился. Не спросил, как нашла адрес.

— Зачем?

— Хочу увидеть.

— Что?

— Стену, которая не стена. Или ты врал?

В её глазах не было вызова. Был голод. Не по еде. По настоящему.

— Садись.

Она села на стул. Рюкзак скинула на пол. Он сел напротив. Между ними — пустой стол.

— Что видишь?

— Стол. Твою физиономию. Окно. Дерево.

— А стену?

— Тоже. Слева.

— Какая она?

— Обычная. Белая. Грязная у плинтуса.

— Это описание краски. Не стены.

Она нахмурилась.

— Ты философствуешь?

— Я учу тебя смотреть.

Он встал. Подошёл к стене. Положил ладонь.

— Подойди.

Она встала рядом. Положила ладонь поверх его.

— Чувствуешь?

— Штукатурку. Холодную, шершавую.

— Это граница. Между тем, что ты называешь «я», и тем, что называешь «не-я».

Она убрала руку.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Докажи.

Иннокентий убрал ладонь. Закрыв глаза. Вдохнул. Не глубоко — естественно. Просто убрал разделение. Надавил.

Рука ушла в стену по запястье.

Алиса не вскрикнула. Не отшатнулась. Замерла.

Долго смотрела. Потом протянула руку. Коснулась его запястья — там, где оно входило в стену. Стена была твёрдой. Но рука проходила сквозь неё.

— Как? — шёпотом.

— Я не прохожу сквозь стену. Стена перестаёт быть преградой. Проходить сквозь значит преодолевать. А здесь нечего преодолевать. Преграды не было. Я просто перестал верить, что она есть.

Он вытащил руку. Стена сомкнулась. Снова белая, грязноватая, обычная.

Алиса смотрела на его ладонь. Ни пыли, ни царапин.

— Покажи ещё раз.

— Не надо. Ты уже увидела.

— Я не понимаю, что увидела.

— И не надо. Понимание — клетка. Ты должна не понять, а вспомнить.

— Что?

— Что стена — не стена. Что ты и стена — одно. Ты забыла.

Она отошла к окну. Стояла спиной.

— Это безумие.

— Возможно.

— Но я это видела.

— Да.

— Своими глазами.

— Да.

Она повернулась. В глазах — страх. Не перед ним. Перед миром, который только что треснул.

— Я не хочу сходить с ума.

— Ты не сходишь. Ты просыпаешься.

— Какая разница?

— Сумасшедший теряет способность отличать реальность от вымысла. Ты видишь реальность, которую не замечала. Это не безумие. Это расширение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.